

М. Н. Загоскин

Москва и москвичи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-14

3-14 **Загоскин М.Н.**
Москва и москвичи / М. Н. Загоскин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 614 с.

ISBN 978-5-518-07888-8

Полное собрание сочинений, тома 7, 8

ISBN 978-5-518-07888-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

для меня предметъ. Вотъ въ чемъ дѣло: я давно уже веду записки,—не о домашней моей жизни: въ ней не было ничего особенно замѣчательнаго,—но о всемъ томъ, что касается до Москвы и ея жителей, относительно ихъ частнаго, политическаго и историческаго быта. Я изучалъ Москву слишкомъ тридцать лѣтъ и могу сказать рѣшительно, что она не городъ, не столица, а цѣлый міръ—разумѣется русскій. Въ ней сосредоточивается вся внутренняя торговля Россіи; въ ней процвѣтаетъ наша ремесленная промышленность. Какъ тысячи солнечныхъ лучей соединяются въ одну точку, проходя сквозь зажигательное стекло, такъ точно въ Москвѣ сливаются въ одинъ національный обликъ всѣ отдѣльныя черты нашей русской народной физиономіи. Европейское просвѣщеніе Петербурга; не вовсе чуждое тщеславія хлѣбосолюство нашихъ великороссійскихъ дворянъ; простодушное гостепрїимство добрыхъ сибиряковъ; ловкость и досужество удалыхъ ярославцевъ, костромитянъ и володимірцевъ, способность къ письменнымъ дѣламъ и необычайное умѣнье скрывать, подъ простою и тяжелою наружностью, умъ самый сметливый и хитрый—нашихъ, нѣкогда воинственныхъ, малороссіянъ; неуклюжесть и тупость бѣлорусцевъ; страсть къ псовой охотѣ степныхъ помѣщиковъ; щегольство богатыхъ купцовъ отличными рысаками, безусловное обожаніе всего чужеземнаго нашихъ русскихъ европейцевъ, и въ то же время готовность ихъ умереть за славу и честь своей родины; безотчетная ненависть ко всему заморскому нашихъ запоздалыхъ старовѣровъ, которые, несмотря на это, не могутъ прожить безъ нѣмецкой мадамы или французскаго мусью; ученость и невѣжество, безвкусіе и утонченная роскошь; однимъ словомъ, вы найдете въ Москвѣ сокращеніе всѣхъ элементовъ, составляющихъ житейскій и гражданскій бытъ Россіи, этого огромнаго колосса, которому Петербургъ служитъ головою, а Москва сердцемъ. Москва богатый, неисчерпаемый рудникъ для каждаго наблюдателя отечественныхъ нра-

вовъ. Можетъ-быть, во мнѣ не достало умѣнья разработать, какъ слѣдуетъ, этотъ богатый рудникъ; впрочемъ и то хорошо, если мнѣ удалось открыть его и указать человѣку болѣе меня искусному, гдѣ долженъ онъ искать не одной руды, вовсе не подходящей на металлъ, который въ ней скрывается, но чистыхъ самородковъ, не всегда золотыхъ—это правда; но вѣдь золото вездѣ рѣдко, а томпакъ, семилеръ и всякая другая блестящая композиція, которую иногда стараются выдавать намъ за пробное червонное золото, право не стоятъ нашего простого желѣза... Да объ этомъ послѣ; дѣло состоитъ въ томъ, что я рѣшился напечатать мои записки».

Я человѣкъ не очень богатый, такъ прежде всего долженъ былъ подумать о томъ, во что мнѣ обойдется изданіе этой книги, а для этого мнѣ нужно было посоветоваться съ человѣкомъ знающимъ и опытнымъ. Вы, вѣроятно, слышали о книгопродавцѣ Иванѣ Тихоновичѣ Корешковѣ; мы съ нимъ люди знакомые,—я даже прошлаго года крестилъ у него сына.

Чего жъ лучше,—подумалъ я;—мой куманекъ тридцать лѣтъ занимается книжною торговлею, такъ ужъ вѣрно сочтетъ мнѣ по пальцамъ, что будутъ стоить бумага, печать, обертка, однимъ словомъ, все; а можетъ статься, и манускриптъ у меня купить: это было бы всего лучше.

Лишь только я хотѣлъ послать за Иваномъ Тихоновичемъ, а онъ ко мнѣ и въ двери.

— А, любезный куманекъ!—вскричалъ я.—Милости просимъ... Очень кстати! Вѣдь у меня есть до тебя дѣльце.

— Рады служить, Богданъ Ильичъ!.. Что прикажете?—сказалъ Корешковъ съ низкимъ поклономъ.

— Садись-ка, любезный!.. Вотъ изволишь видѣть: ты знаешь мои записки?

— Какъ же, батюшка, вы мнѣ еще прошлаго года читали изъ нихъ разныя этакія штучки,—очень интересно!

— Я хочу ихъ напечатать.

— Ну, чтожь, сударь, съ Богомъ!

— Да вотъ что: я человѣкъ непривычный, до смерти боюсь всякихъ хлопотъ. Знаешь ли что, любезный? Куни у меня манускриптъ въ вѣчное и потомственное владѣніе: я дешево продамъ.

— Нѣтъ, Богданъ Ильичъ, — извините! Мы этимъ не занимаемся. Дѣло другое на комиссію...

— Впрочемъ, — продолжалъ я съ видомъ совершеннаго равнодушія, — для меня все равно: книга моя не залежится. Ужь одно названіе этихъ записокъ разлакомитъ покупателей: «Москва и Москвичи!»

— Да съ, названье бенефисное.

— А какъ ты думаешь, куманекъ: дорого мнѣ будетъ стоить напечатать эту книгу?

— Да если всю, такъ не дешево-съ.

— Какъ всю? Да развѣ можно будетъ печатать ее по частямъ?

— А почему же нѣтъ, Богданъ Ильичъ? Вѣдь если я не ошибаюсь, такъ книга ваша, такъ-сказать, отрывочная; то-есть не то чтобъ какой-нибудь романчикъ, или исторія, а вотъ въ родѣ тѣхъ, которыя выдаются теперь въ Петербургѣ: «Сто писателей», «Сказка за сказкою» и прочія другія. Вы не извольте только выставлять на заглавномъ листѣ: «часть первая», а «выходъ» или «выпускъ первый».

— Да развѣ это не все равно?

— Помилуйте! Ужь кто написалъ часть первая, такъ какъ будто бы обѣщаетъ вторую часть непременно; а выпускъ что значитъ?.. Будетъ, дескать, время, такъ выпущу другую; а нѣтъ, такъ не прогнѣвайтесь!..

— А что ты думаешь? Вѣдь это правда.

— Какъ же, батюшка!.. Одну книжку напечатать не фигура, и можно дешевле пустить, такъ авось и поразберутъ; а тамъ, если она понравится, да пойдетъ, такъ и выпускайте себѣ вторую, третью — сколько душѣ вашей угодно.

— Спасибо, куманекъ, за добрый совѣтъ. И такъ, рѣшено: я буду выдавать мои записки отдѣльными книжками; ихъ число и время ихъ выходовъ будутъ совершенно зависѣть отъ моей воли и отъ пріема, который сдѣлаетъ имъ публика.

— Да-съ! Только смѣю васъ спросить: вы объявите свое имя?

— Нѣтъ, я хочу назваться въ моихъ запискахъ Бѣльскимъ.

— А, понимаю-съ! Это нынче въ модѣ-съ. Вамъ угодно быть вотъ этимъ... какъ-бишь они называются?

— Псевдонимы.

— Да-съ, точно такъ-съ. Только воля ваша, Богданъ Ильичъ, напрасно-съ: это не дастъ ходу вашей книжкѣ.

— Такъ ты думаешь, что лучше выставить на главномъ листѣ мое настоящее имя?

— Оно, если хотите, сударь, все равно. Не прогнѣвайтесь, батюшка, вы по книжному дѣлу человѣкъ вовсе неизвѣстный. Вотъ если бы вы ужъ печатали, да васъ разика два похвалили въ «Библіотекѣ», въ «Сынѣ Отечества», въ «Сѣверной Пчелѣ», или въ «Русскомъ Вѣстникѣ», такъ это бы другое дѣло, а то хоть будьте вы человѣкъ распреумный, съ большимъ талантомъ...

— Да чтожъ еще надобно?

— Имя, сударь, имя! Это всего нужнѣе въ нашей книжной коммерціи.

— Да гдѣ жъ мнѣ прикажешь его взять?..

— Вотъ то-то и дѣло! Не знакомы ли вы съ какимъ-нибудь сочинителемъ, который въ ходу; то-есть, котораго всѣ знаютъ?.. Попросите его...

— Что, что? — вскричалъ я, вскочивъ съ моихъ вольтеровскихъ кресель. — Да неужели ты думаешь, что я допущу, кого бы то ни было, называться сочинителемъ моихъ записокъ?

— Позвольте!.. — прервалъ Корешковъ, вставая также со своего стула.

— Чего тутъ позвольте!—продолжалъ я весьма неравнодушно.—Стану я изъ подлыхъ барышей прибѣгать къ такимъ средствамъ!.. Я трудился, писалъ и, надѣюсь, не вовсе дурно; а кто-нибудь другой...

— Да выслушайте, Богданъ Ильичъ...

— Полно, кумъ! Вы всѣ, торгаши, на одинъ покрой. Что такое для васъ книга? — Товаръ, и больше ничего. Для васъ произведеніе высокаго таланта, творческое созданіе генія и какой-нибудь новѣйшій пѣсенникъ—одно и то же...

— Нѣтъ, сударь, иногда пѣсенникъ и лучше, если онъ ходчѣе идетъ. Да дѣло не въ томъ. За что вы изволите гнѣваться? Вѣдь я хотѣлъ вамъ сказать: попросите какого-нибудь извѣстнаго автора, чтобъ онъ назвался не сочинителемъ, а издателемъ вашихъ записокъ...

— Какой вздоръ! Да развѣ имя издателя ручается за достоинство сочиненія?

— А какъ же, сударь? Всякій скажетъ: «видно, дескать, отличная книжка, если издаетъ ее извѣстный писатель».

— Ну, ну, хорошо!—сказалъ я, когда встревоженное мое самолюбіе поуспокоилось.—Можетъ-быть, куманекъ, ты и дѣло говоришь. Да кого же я стану просить объ этомъ?

— Мало ли, сударь, въ Москвѣ сочинителей. Да вотъ хоть, не далеко идти: г-нъ Загоскинъ... Не то, чтобъ онъ былъ какой-нибудь знаменитый писатель — нѣтъ, — есть, батюшка, гораздо почище его, да ему какъ-то посчастливилось: выдалъ «Юрія Милославскаго», попалъ въ народность, да и пошелъ пописывать разные романчики; а тамъ опера «Аскольдова Могила»... Что за опера такая!.. Вы изволили ее видѣть?

— Какъ же!.. И ты думаешь, что г-нъ Загоскинъ согласится?..

— А почему знать?—попробуйте!..

— Я напишу къ нему письмо.

— Да знаете ли, этакъ, повѣжливѣе — польстите

ему... «Позвольте, дескать, украсить вашимъ знаменитымъ именемъ...

— Куманекъ, а не ты ли сейчасъ говорилъ?..

— И, батюшка, да развѣ вы не знаете, что ложь бываетъ иногда во спасеніе? Хвалите его на убой: — ну, что за дѣло: бумага все терпитъ!..

— А если онъ подумаетъ, что я надъ нимъ смѣюсь?..

— Не подумаетъ, батюшка!.. Знаемъ мы этихъ сочинителей! Иной ломается такъ, что не приведи Господи!.. «Мы да мы!»—а что сдѣлалъ? Водевильчикъ перевелъ или статейку напечаталъ въ журналѣ!.. Я много съ ними обращался, Богданъ Ильичъ. Случалось иногда,—по надобности,—начнешь хвалить иного въ глаза... русскимъ Вальтеръ Скоттомъ назовешь... Вѣрите ль Богу, самому стыдно, — а онъ лишь только ухмыляется. Ужъ, видно, они всѣ родомъ такъ, батюшка!

Вотъ вамъ, милостивый государь, слово-отъ-слова мой разговоръ съ Иваномъ Тихоновичемъ Корешковымъ. Я не скрылъ даже отъ васъ, что онъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о вашемъ талантѣ. Изъ этого вы можете заключить, что я не въ точности исполнилъ его совѣтъ, то-есть не прибѣгалъ къ лести, чтобъ склонить васъ быть издателемъ моихъ записокъ. Если вы на это не согласитесь, то я поневолѣ долженъ буду подумать, что мой кумъ лучше моего знаетъ, чѣмъ можно угодить вообще всѣмъ писателямъ и въ особенности вамъ, милостивый государь.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія честь имѣю остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Богданъ Бѣльскій».

Теперь вы видите, любезные читатели, въ какое затруднительное положеніе поставилъ меня г-нъ Бѣльскій. Принять его предложеніе мнѣ вовсе не хотѣлось, а не принять его я не смѣлъ: г. Бѣльскій могъ бы подумать, что я разсердился на его кума за то, что онъ не хочетъ признать меня знаменитымъ писателемъ. Ко-

нечно, это очень обидно; но вы понимаете, любезные читатели, что я ни въ какомъ случаѣ не могу показывать, до какой степени огорчаетъ меня это мнѣніе почтеннаго г-на Корешкова, а для этого я долженъ былъ непременно согласиться на сдѣланное мнѣ предложеніе. Но еще разъ повторяю, что не намѣренъ брать на себя чужихъ грѣховъ и быть отвѣтчикомъ за г-на Бѣльскаго, съ которымъ во многомъ я даже не согласенъ. Онъ говоритъ иногда слишкомъ рѣзко правду, а я этого терпѣть не могу. Ну, что за охота называть въ глаза горбатаго горбатымъ, кривого кривымъ? Вѣдь и того и другого исправить одна только могила, — такъ зачѣмъ же ихъ и дразнить? Впрочемъ, я долгомъ считаю прибавить, что г-нъ Бѣльскій человѣкъ не злой; онъ только немного крутенекъ, подчасъ бываетъ слишкомъ откровененъ, да любитъ иногда придерживаться извѣстнаго правила, что:

Вовсе не грѣшно
Надъ тѣмъ смѣяться, что смѣшно.



ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ

I.

МОСКОВСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

«Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считаль за пѣмцевъ».
Грибодозъ.

Еслибъ я писалъ романъ, то, конечно, не имѣлъ бы никакой надобности знакомить съ собою моихъ читателей; но въ этихъ запискахъ я говорю прямо отъ своего лица, описываю собственныя мои дѣйствія, замѣчанія и даже приключенія, — слѣдовательно долженъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ моимъ, надѣюсь, снисходительнымъ и, безъ всякаго сомнѣнія, многочисленнымъ читателямъ. «Многочисленнымъ!» — Да, милостивые государи, я въ этомъ совершенно увѣренъ, какъ и всякій начинающій писатель; разница только въ томъ, что другіе это думаютъ про себя, а я говорю вслухъ. Безъ этой увѣренности, которую не всегда могутъ поколебать даже и постоянныя неудачи, никто не сталъ бы печатать своихъ сочиненій. Повѣрьте мнѣ: всѣ эти ссылки на друзей, *по настоятельной просьбѣ* которыхъ будто бы книга печатается, одно

жеманное пустословіе. Мы, обыкновенно, печатаемъ для *всѣхъ*, и очень бы оскорбились, еслибъ насъ прочли одни только пріятели.

Кто изъ москвичей не знаетъ Прѣсенскихъ прудовъ; но, можетъ-быть, не всякому случалось бывать по ту сторону этихъ прудовъ, въ узкихъ и кривыхъ переулкахъ, которые довольно круто поднимаются въ гору. Въ одномъ изъ нихъ, недалеко отъ обсерваторіи, стоитъ на полугорѣ небольшой деревянный домикъ, осѣненный спереди нѣсколькими кустами бузины и акацій. Изъ оконъ надворной стороны дома видна внизу, подъ самою горою, часть города, примыкающая къ тремъ холмамъ, знаменитымъ во всей Москвѣ своею *трехъ-горною* водою. Когда вы смотрите въ окно, вашъ взоръ, быстро пробѣжавъ по кровлямъ, невольно останавливается на обширномъ поемномъ лугу, по которому змѣится наша изгибистая Москва-рѣка; прямо за ней чернѣются рощи Воробьевыхъ горъ, налѣво подымается колокольня Новодѣвичьяго монастыря, а еще лѣвѣе, какъ сквозь туманъ, мелькаютъ кровли домовъ и кресты церквей отдаленнаго Замоскворѣчья. Этотъ видъ вездѣ бы назвали прекраснымъ; но въ Москвѣ ужъ вѣрно никто не придетъ имъ полюбоваться. Мы, москвичи, избалованы прекрасными видами; мы встрѣчаемъ ихъ на каждомъ шагу и привыкли смотрѣть равнодушно на эти великолѣпныя панорамы, которыя плѣняютъ всѣхъ иностранцевъ своею роскошною красотою и дивнымъ разнообразіемъ. Маловодная Москва-рѣка и ничтожная рѣчка Яуза вовсе не замѣчательны какъ рѣки, но зато какіе у нихъ живописные берега!

Въ этомъ-то уединенномъ домикѣ, я, Богданъ Ильичъ Бѣльскій, живу почти безвыѣздно съ 1814 года, то-есть двадцать-восемь лѣтъ сряду. Я никогда не могъ назваться богатымъ человѣкомъ, однакожъ было время, что и у меня былъ каменный домъ на Никитской, что и я не понималъ, какъ можетъ порядочный человѣкъ жить за Прѣсенскими прудами въ какомъ-нибудь кривомъ переулкѣ, въ глуши, гдѣ каждый проѣзжающій

экипажъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Я началъ служить довольно рано и вышелъ въ отставку ротмистромъ. Въ 1812 году вступилъ снова въ службу; участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, былъ въ дѣлѣ подѣ Чарутиннымъ и едва остался живъ послѣ сраженія подѣ Малымъ Ярославцемъ, гдѣ разбитый непріятель долженъ былъ, къ явной своей гибели, вмѣсто сытной и привольной калужской дороги, продолжать свое отступленіе по смоленской, совершенно опустошенной и своими и чужими. Я былъ такъ тяжело раненъ, что пролежалъ безъ чувствъ почти цѣлый день между убитыми, безъ всякаго пріюта и помощи. Къ счастью, зимніе холода еще не наступали,—несмотря на то, *что побѣжденный непріятель бѣжалъ уже изъ Россіи совершенно разбитый и разстроенный*. Это обстоятельство противорѣчитъ нѣсколько мнѣнію иностранцевъ, которые стараются доказать, что одна зима спасла Россію. Я имѣю большую вѣру ко всему тому, что пишутъ о насъ чужеземцы, и въ особенности уважаю извѣстное всему міру безпристрастіе французскихъ писателей; но въ этомъ случаѣ не могу даже согласиться и съ ними, потому что непременно бы замерзъ подѣ Малымъ Ярославцемъ, еслибъ французовъ побѣдилъ и выгналъ изъ Россіи одинъ только зимній холодъ. Вѣроятно многіе, подобно мнѣ, имѣютъ неограниченную вѣру ко всему, что пишутъ французы, а межъ тѣмъ не были такъ же, какъ я, подѣ Малымъ Ярославцемъ, то легко, можетъ-быть, иной подумаетъ, что я изъ патріотизма, который онъ, безъ всякаго сомнѣнія, назоветъ *кваснымъ*, говорю неправду; въ такомъ случаѣ я попрошу его прочесть, что пишетъ объ этомъ нашъ знаменитый партизанъ Д. В. Давыдовъ. Онъ доказываетъ *фактами* и словами самихъ непріятелей, что первые весьма легкіе морозы начинались спустя три дня послѣ сраженія подѣ Малымъ Ярославцемъ, слѣдовательно французовъ гналъ изъ Россіи русскій штыкъ, а не русскій морозъ, который помогалъ только впоследствии нашимъ казакамъ истреблять отсталыхъ сол-